Б879 Брентано Т.-Ф.
Древние и современные софисты.
СПб; 1886

БЧ

1959

№ 109001
ик

С АЗГ 1363

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

8017

СОЧИНЕНІЕ

Т. Ф.-БРЕНТАНО

Профессора частной школы политическихъ наукъ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПЕРЕВЕЛЪ

ЯКОВЪ НОВИЦКІЙ.

№ 8017

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

В РНБ (эк)

Функ-Брентано Теофил
(1830-1906)

Древние и современные софисты. Сочинение
Т. Ф.-Брентано. С фр. пер.
Я. Новицкий, Спб.: Синод. тип.,
1886

1ф
Б87б

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

СОФИСТЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Т. Ф.-БРЕНТАНО

Профессора частной школы политическихъ наукъ.

№ 109001
Библіотека Черкесова
№ 8017
Ц. 1 р. 50 к.
Спб. Нев. г. № 64

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
ПЕРЕВЕЛЪ
ЯКОВЪ НОВИЦКІЙ.

85751
Ленинградская
Центральная библиотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1886.

Проверено 1936 г.
1934 г. проверено
1939
1948

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
№ 8017
Ц. 1 р. 50 к.
СПБ., Невскій, № 64

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

Введеніе.

I.

Происхожденіе новѣйшей софистики.

О софистахъ древности мы судимъ по отзывамъ о нихъ Платона и Аристотеля, а о средневѣковыхъ по отзывамъ Бэкона, Декарта и Паскаля. Между тѣмъ, софистическія школы, основанныя предшественниками Платона, не были учрежденіями совершенно дурными, какъ даетъ намъ понять ученикъ Сократа; равно и ученіе схоластиковъ имѣло болѣе глубокія основанія, чѣмъ тѣ, какія указываются Бэкономъ и Паскалемъ. Мы усвоили себѣ, тѣмъ не менѣе, взглядъ этихъ великихъ мыслителей на софистовъ и раздѣливъ ихъ пренебреженіе, хотя и не имѣли на это такого же права, какъ они, не приняли на себя труда выяснить истинныя причины появленія великихъ софистическихъ школъ; происхожденіе ихъ остается для насъ темнымъ, ученіе непонятнымъ.

Софисты древности остаются, въ нашихъ глазахъ, людьми недобросовѣстными, софисты средневѣковые-лже-философами, заблуждавшимися подъ вліяніемъ слѣпыхъ вѣрованій; мы наивно вообразили, что достаточно мыслить вполнѣ честно и свободно, чтобы избѣжать ихъ ошибокъ. Въ результатѣ оказалось, что мы впали во всѣ ихъ заблужденія, сами того не подозрѣвая. У насъ возникли другія идеи, но съ ними мы впали въ прежнія ошибки; образовались другія слова, но съ ними мы снова начали прежнюю

игру остроумія; во имя другихъ началъ, предались прежнимъ иллюзіямъ; самые твердые характеры, самые здравые умы не устояли. Наши философскія школы послѣ Локка и Лейбница вполнѣ стоютъ тѣхъ, которыя образовались въ Греціи послѣ Парменида и Гераклита, и по своему научному значенію онѣ не выше школъ, предшествовавшихъ Бэкону и Декарту въ эпоху Возрожденія. Чтобы придать себѣ видъ серьезной науки, доктрины эти пользуются софизмомъ во всѣхъ его формахъ; ихъ гипотезы вводятъ насъ въ заблужденіе научнымъ строемъ фразъ, ихъ ложныя начала увлекаютъ насъ, благодаря предубѣжденію противъ началъ противоположныхъ. И пусть бы эти жалкіе пріемы ограничивались кругомъ философскихъ умозрѣній; но они съ каждымъ днемъ распространяются далѣе и далѣе; наша способность изслѣдованія ослабѣваетъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія!.. Всего опаснѣе тѣ болѣзни, симптомовъ которыхъ мы не чувствуемъ: онѣ истощаютъ насъ, при полномъ нашемъ самообольщеніи.

Дошло до того, что мы усвояемъ громкій титулъ философскаго ученія первому встрѣчному, съ кропотливымъ трудомъ написанному, сочиненію, лишь бы оно имѣло предметомъ Бога, матерію, душу, или человѣчество; мы поступаемъ, какъ дѣти, воображающія, что путешествія Жюля Верна представляютъ настоящую, истинную науку. Это самый ясный признакъ нашего умственнаго изнеможенія.

Бездна отдѣляетъ истинную философію отъ философской мечты. Послѣдняя основывается всегда лишь на отвлеченныхъ понятіяхъ, слабо выясненныхъ, на системахъ, дурно понятыхъ, и отвѣчаетъ только смутнымъ темнымъ влеченіямъ. Самыя очевидныя положенія разсудка смѣшиваются здѣсь съ причудливѣйшими вымыслами воображенія; единичный фактъ превращается въ общее доказательство, излюбленныя мысли въ аргументы; гипотезы принимаютъ значеніе дѣйствительности, дѣйствительность становится тѣнью; безъ связи и единства—все здѣсь смутно и неопредѣленно. Это романъ безъ характеровъ, драма безъ страстей; всего чаще она имѣетъ лишь достоинство новизны, а иногда и того менѣе—достоинство только формы.

Если первая встрѣчная философская мечта принимаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе философскаго произведенія: то заблужденіе наше въ этомъ случаѣ невольное. Наши мнимые философы настолько искренни, насколько почитатели ихъ довѣрчивы. Глубокое разстройство новѣйшаго мышленія нельзя объяснять однимъ незнаніемъ исторіи происхожденія древнихъ софистическихъ школъ; если древность и средніе вѣка представляютъ собою эпохи, отличавшіяся однѣми и тѣми же характерными чертами смуты и нестроенія, причины тому надо искать въ самой природѣ философіи, а не въ какой либо случайности.

II.

Основное начало философіи.

Есть умы неспособные къ философіи, какъ есть умы неспособные къ математикѣ. Философія представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ умственной алхиміи; анализъ своей собственной мысли пугаетъ ихъ. Другіе умы, болѣе сильные и болѣе способные увлекаться философскими умозрѣніями, удивляются высокимъ воззрѣніямъ философовъ и раздѣляютъ ихъ убѣжденія. Тѣ и другіе одинаково заблуждаются, воображая, что предметомъ философіи служитъ объясненіе природы и происхожденія вещей; первыхъ отталкиваютъ возвышенныя отвлеченности, вторые принимаютъ ихъ за самую истину; тѣ и другіе одинаково упускаютъ изъ виду главную основу всякаго философскаго ученія—науку о законахъ мышленія, созданную основателями философскихъ ученій. Уничтожьте индукцію Платона, устраните изъ системы Аристотеля существенныя въ ней начала родовыхъ понятій, отбросьте изслѣдованіе Декарта о простыхъ идеяхъ, и отъ ученія этихъ философовъ останется только рядъ стройныхъ и обширныхъ гипотезъ. Винятъ философію, упрекаютъ ее въ томъ, что она не наука, а не хотятъ понять, что отыскивая науку въ философіи, упускаютъ изъ виду то именно, что единственно дѣлаетъ ее наукой: познаніе законовъ нашего ума.

Познаніе законовъ мышленія составляетъ науку въ точномъ смыслѣ слова,—доступную опыту и доказательству. Оно шло впередъ съ вѣками, и опытъ постепенно развивалъ или исправлялъ его. Я вижу, чувствую, разсуждаю, сравниваю мои сужденія—вотъ факты, которыми каждый свободно располагаетъ. Къ сожалѣнію, открытія въ этой наукѣ весьма рѣдки и труднѣе чѣмъ во всякой другой, какъ бы ни казались съ перваго раза легкими упражненія въ этомъ родѣ. Каждая изъ нашихъ идей отлична отъ другой, ни одно изъ нашихъ сужденій не остается всегда одинаковымъ: каждое является предъ нами уже омраченное нашими страстями, подъ покровомъ словъ, привычекъ и предразсудковъ нашего воспитанія. Когда мы пытаемся анализировать ихъ, то оказывается, что всѣ наши сужденія представляютъ собою одну сплошную цѣпь, наши способности взаимно восполняютъ одна другую, наши принципы взаимно предполагаются и когда хотимъ подвергнуть опыту умственный фактъ, онъ уже не существуетъ болѣе; только посредствомъ воспоминанія можемъ снова вызвать его; мы не владѣемъ способностью мыслить свою мысль. Точно также мы отдаемъ себѣ лишь весьма смутный отчетъ въ томъ, что это за наука о законахъ мышленія, называемая методомъ въ философіи. То мы обозначаемъ этимъ терминомъ своеобразную у каждаго философа манеру располагать свои мысли въ опредѣленномъ порядкѣ при изысканіи истины; то разумѣемъ подъ именемъ метода совокупность общихъ началъ и правилъ, которымъ философъ считаетъ нужнымъ слѣдовать для достиженія той же цѣли; этому послѣднему предпочтительно усвояется нами имя раціональнаго научнаго метода, между тѣмъ какъ первый кажется намъ методомъ инстинктивнымъ и чисто личнымъ. Иное дѣло мыслить, иное понимать свое мышленіе. Методъ инстинктивный—это мышленіе въ его свободной, ничѣмъ не стѣсняемой дѣятельности, и по этимъ своимъ качествамъ оно составляетъ первичную причину, истинное начало всѣхъ ученій; методъ же научный есть только рефлексъ, всегда болѣе или менѣе не полный. Тщательные анализы условій достовѣрности и разсудочной дѣятельности, которые мы находимъ у всѣхъ великихъ филосо-

фовъ, представляютъ лишь весьма несовершенный отчетъ объ ихъ мышленіи. Дѣйствительное жизненное начало и причины ихъ ученія,—совсѣмъ не методъ, которому они слѣдуютъ; это—ихъ геній.

III.

Геній великихъ философовъ.

Какъ ни мало мы знакомы съ законами нашего мышленія, наши собственныя идеи кажутся намъ, тѣмъ не менѣе, поразительно вѣрными и ясными; мы повинуемся имъ безъ колебаній, онѣ образуютъ наши мнѣнія, возбуждаютъ въ насъ желанія; но идеи, мнѣнія и желанія различны у каждаго изъ насъ; въ нѣдрахъ общественнаго прогресса онѣ разнообразятся до безконечности и влекутъ за собой безчисленныя противорѣчія и противодѣйствія. Въ этомъ-то мірѣ поразительнаго непостоянства, который измѣняется ежеминутно, преобразуется съ поколѣніями и составляетъ умственную жизнь народовъ, являются въ опредѣленные моменты люди, ищущіе высшей истины. Они видятъ колебанія однихъ, заблужденія другихъ, притязанія всѣхъ и каждаго, открываютъ своимъ проницательнымъ взоромъ предразсудки, ослѣпляющіе умъ,—страсти, его увлекающія, недоумѣнія, ведущія къ заблужденіямъ, восходятъ отъ анализа къ анализу, отъ индукціи къ индукціи и, взвѣшивая одной рукой неизвѣстное, а другой—извѣстное, успѣваютъ найти твердыя опоры для своего мышленія и противовѣсъ своимъ сомнѣніямъ. Спокойные въ своемъ могуществѣ, увѣренные въ равновѣсіи и гармоніи, они открываютъ намъ совершеннѣйшую формулу, общія и простѣйшія элементарныя правила истины и достовѣрности, насколько то доступно человѣческому уму въ данный моментъ. Эту формулу и правила они примѣняютъ потомъ ко всѣмъ великимъ проблеммамъ: къ вопросамъ—о происхожденіи и природѣ вселенной, о причинѣ вещей, о назначеніи каждаго существа, о дѣятельности людей, о движущихъ ими страстяхъ, о судьбахъ народовъ и человѣчества, и такимъ образомъ создаютъ свое ученіе, ги-

гантское въ его цѣлостности. Вращаясь въ кругу безчисленныхъ данныхъ, мысль ихъ идетъ впередъ неуклонно, безъ колебаній; открытыя ими правила служатъ для нихъ мѣриломъ при изслѣдованіи конечныхъ истинъ, и величіе ихъ воззрѣній внушаетъ не меньшее удивленіе, какъ и могущество ихъ синтеза. Конечно, ихъ ученіе остается настолько же несовершеннымъ, насколько недостаточно знаніе ихъ о методѣ; но формулы, въ которыя облечено ими это ученіе, въ такой же мѣрѣ какъ и открытія великихъ астрономовъ и физиковъ, служатъ совершеннѣйшимъ выраженіемъ силы ихъ анализа и индукціи, равно и знанія, какимъ они владѣли. Таково назначеніе великихъ мыслителей; кругозоръ ихъ такъ обширенъ, полетъ такъ быстръ, что намъ не подъ силу за нимъ слѣдовать.

Когда проникаемся удивленіемъ къ открытіямъ Кеплера и Ньютона, мы не думаемъ, конечно, требовать отъ нихъ открытія всѣхъ тайнъ физики и астрономіи. Почему же требуемъ отъ Аристотеля и Декарта, чтобы они открыли намъ послѣднюю истину о происхожденіи и природѣ вещей?—При изученіи физики и астрономіи мы находимъ внѣ себя постоянныя, правильно совершающіяся явленія, которыя служатъ намъ опорой и даютъ возможность оцѣнить величіе генія людей, открывшихъ законы этихъ явленій. Въ явленіяхъ же нашего ума не находимъ ни такой правильности, ни постоянства; явленія ускользаютъ отъ насъ и потому мы не можемъ вполнѣ понять значеніе генія въ философіи. То принимаемъ мы ученія великихъ мыслителей какъ дѣти, увлекшись блескомъ той или другой истины, то отказываемся слѣдовать имъ, будучи недовольны характеромъ того или иного вывода. Въ обоихъ случаяхъ мы поступаемъ такъ потому только, что въ своихъ колеблющихся мысляхъ не находимъ, какъ въ физикѣ и астрономіи, ни руководителя, ни опоры, которые дали бы намъ возможность оцѣнить открытія великихъ мыслителей.

Итакъ, трудности непреодолимы; свойства нашего разума и его ограниченность препятствуютъ основательному изученію великихъ системъ философіи. Между тѣмъ, если пренебрежемъ при этомъ хотя малѣйшей чертой: мотивами

мысли великихъ философовъ, инстинктивнымъ методомъ, усвоеннымъ ими, эпохой ихъ появленія, правилами, которыя они формулировали, ученьемъ, ими установленнымъ, мы не поймемъ фактовъ и исказимъ исторію. Будучи въ такомъ случаѣ не въ силахъ открыть въ системахъ истину, мы слѣпо хватаемся за то или другое изъ началъ великихъ ученій, прилаживаемъ его по своему къ нашимъ познаніямъ и влеченіямъ. Дедукціи слѣдуютъ за первой нашей индукціей, наши сужденія перепутываются, заключенія идутъ за первыми посылками; мы думаемъ, что придерживаемся строгой логики; но не замѣчаемъ, что каждый неизвѣстный законъ заставляетъ насъ уклоняться съ прямаго пути, малѣйшее преувеличеніе, вкрадывающееся въ наши разсужденія, выбиваетъ насъ изъ колеи, малѣйшее предпочтеніе, примѣшивающееся къ нашимъ заключеніямъ, усиливаетъ кажущуюся очевидность ихъ и превращаетъ ихъ въ заблужденія. Затрудненія мало по малу возрастаютъ, легкія связи мыслей превращаются въ тяжелыя цѣпи, смыслъ выраженій затемняется, фразы становятся пустыми, поле знанія съуживается, большая дорога дѣлается тропинкой, а тропинка заканчивается глухимъ переулкомъ или лабиринтомъ. Тогда здравомыслящіе люди смѣются надъ мечтаніями лжефилософа,—надъ безплодными попытками его найти абсолютное. Они не знаютъ, сколько нужно труда, размышленія и усилій, чтобы дать себѣ отчетъ, какъ найтись заблудившемуся, когда свѣтъ видится ему только въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шелъ.

Философія такая же наука, какъ и всѣ другія. Она развивается тѣмъ же путемъ индукцій и послѣдовательныхъ опытовъ; но тогда какъ индукціи другихъ наукъ основываются на точныхъ данныхъ, прочно устанавливаются на опредѣленныхъ опытахъ, философскія индукціи, выражающія отношеніе между нашими сужденіями и признаками достовѣрности, не имѣютъ предѣловъ въ своихъ опытахъ. Философія простѣйшая изъ наукъ по своимъ первымъ даннымъ, но она самая обширная по своему предмету. Философскія открытія и всего труднѣе дѣлать, и всего труднѣе понимать. Всѣ знанія, какими мы нынѣ владѣемъ, и какія человѣче-

ство можетъ пріобрѣсть въ будущемъ, сводятся въ послѣднемъ анализѣ къ немногимъ законамъ, управляющимъ нашимъ мышленіемъ. За логикой Аристотеля слѣдовали двѣ тысячи лѣтъ исканій въ потемкахъ, за изслѣдованіемъ простыхъ идей Декартомъ—вѣка усилій. Поколѣнія мыслителей смѣняютъ другъ друга, рѣшая одну и туже задачу; одни народы изчезаютъ, другіе являются и новые мыслители снова начинаютъ и продолжаютъ прежнюю работу. Уже послѣ того, какъ великія ученія прослѣжены до самыхъ крайнихъ выводовъ, до разнообразнѣйшихъ ихъ примѣненій, съ неумолимою логикой и непоколебимою добросовѣстностью, изслѣдованіе этихъ ученій заканчиваются и мы открываемъ необходимыя данныя для новыхъ успѣховъ; таковъ смыслъ философскаго опыта. Это опытъ близкій къ намъ, непосредственный, поколику онъ производится по элементарнымъ правиламъ метода; но въ тоже время это опытъ отдаленный, ускользающій отъ насъ, насколько онъ относится къ общей совокупности ученій; онъ—опытъ историческій по видоизмѣненіямъ, какимъ подвергаются философскія ученія съ теченіемъ времени. Неясности, встрѣчаемыя здѣсь нами, зависятъ, съ одной стороны, отъ трудностей, испытываемыхъ каждымъ изъ насъ при открытіи законовъ своего ума, а съ другой—отъ нашего безсилія овладѣть произведеніями и открытіями величайшихъ геніевъ человѣчества.

IV.

Характеръ софистовъ.

Отъ изученія философскихъ ученій въ ихъ историческомъ развитіи зависитъ рѣшительно всякій прогрессъ философіи. Это изученіе имѣетъ три ступени.

На первой ступени стоятъ вѣрующіе ученики. Въ своей наивности они слѣпо принимаютъ слово учителя и передаютъ другимъ свое благоговѣніе. Они не понимаютъ могучей мысли, ихъ покорившей, смутно представляютъ себѣ основныя начала ученія, поражаются величіемъ цѣлаго и образуютъ всего чаще небольшую общину вѣрующихъ, которая теряется и исчезаетъ въ общемъ движеніи впередъ.

Второе мѣсто занимаютъ, въ дѣлѣ изученія философскихъ ученій, ученики-философы въ истинномъ смыслѣ слова. Они овладѣваютъ вполнѣ мыслью основателя философскаго ученія; подобно ему исходною для себя точкою ставятъ собственныя познанія о явленіяхъ, совершающихся во внѣшнемъ мірѣ и въ области разсудка; но ищутъ высшей достовѣрности, правилъ болѣе совершенныхъ, и, восходя въ свою очередь отъ индукціи къ индукціи, развиваютъ основное начало ученія и видоизмѣняютъ его. Они имѣютъ полное и цѣльное сознаніе дѣйствительности, видятъ людей и всѣ предметы такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и на каждой страницѣ своихъ твореній заставляютъ насъ раздѣлять глубокое ощущеніе свѣтоносной ихъ мысли. Таковы были: Локкъ, Спиноза, Лейбницъ; они видоизмѣнили Картезіанское ученіе, каждый сообразно съ своимъ характеромъ и знаніями. Если намъ кажется, что въ ихъ системахъ есть противорѣчія, то въ этомъ отношеніи мы ошибаемся, что зависитъ отъ нашего неумѣнья понять ихъ; сила и единство ихъ мысли ускользаютъ отъ нашего пониманія. Даже неясности, встрѣчающіяся у философовъ, находятъ для себя объясненіе въ усвоенной ими точкѣ зрѣнія на первыя достовѣрныя положенія мысли.

На третьей ступени, великія философскія доктрины изучаются учениками-софистами. Задача ихъ самая неблагодарная. Для окончательнаго испытанія доктрины необходимо провесть чрезъ нее каждую мысль, каждое положеніе, каждую, хотя бы незначительную формулу, каждую гипотезу. Трудъ громадный, продолжительный; тоже ученіе, спустя столѣтіе, истолковывается при другихъ знаніяхъ и съ иными чувствами; умственныя потребности уже не тѣ, смыслъ словъ измѣнился, обстоятельства совсѣмъ иныя. Трудъ сухой и утомительный; одни начала представляются поразительно очевидными, другія—непонятными; ихъ слѣдствія кажутся то неопровержимыми, то крайне сомнительными. Чтобы преодолѣть трудности, разсѣять туманъ, пополнить пробѣлы, надо безпристрастно отнестись къ заблужденію, не довѣрять иллюзіямъ и въ тоже время позволить себѣ увлекаться ими, утверждать и сомнѣваться, быть ученикомъ и идти про-

тивъ учителя на каждомъ шагу. Софистъ не ищетъ новаго начала, но пытается устранить затрудненія, представляемыя тѣмъ началомъ, которое онъ допускаетъ; не стремится къ новому рѣшенію, но желаетъ найти самыя твердыя основанія для рѣшенія, заимствуемаго имъ у того или другаго философа. Онъ преувеличиваетъ силу доказательствъ, привязывается къ значенію словъ, анализируетъ, изслѣдуетъ, утончаетъ естественныя формы разсужденія, оспариваетъ противоположныя мнѣнія, ищетъ отвѣта на всевозможныя возраженія; разности, имъ находимыя, становятся неуловимыми, доказательства въ пользу защищаемаго мнѣнія безконечными; непосредственное сознаніе истины въ немъ затемняется, чувство дѣйствительности утрачивается. Въ ученіи софистовъ мы встрѣтимъ странныя утвержденія, неосмысленныя сужденія, безчисленныя ошибки въ пониманіи, игру словъ, принимаемую за умственный законъ. Но увидимъ также, что дивное могущество человѣческой мысли просвѣчиваетъ даже въ этихъ крайностяхъ. Большинство софистовъ были люди возвышеннаго ума; всѣ они избирали исходною для себя точкой величайшія открытія, важнѣйшіе успѣхи въ наукѣ мышленія и разрабатывали ихъ почти всегда съ глубокимъ убѣжденіемъ, часто увлекаясь до энтузіазма. Порицаніе не смущаетъ ихъ, опасность не останавливаетъ. Усвоенное начало должно быть доказано во всей своей силѣ, противоположныя мнѣнія должны быть уничтожены въ самомъ источникѣ своемъ. Ихъ наивность иногда смѣшна, ихъ усилія всегда поразительны даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они прибѣгаютъ къ самымъ дѣтскимъ средствамъ съ цѣлію отстоять правоту своего дѣла. Они подобны кометамъ, уклонившимся съ своего пути и продолжающимъ прямо двигаться въ безпредѣльномъ пространствѣ; пусть имъ суждено было погибнуть въ своемъ безпорядочномъ теченіи; они оставили за собою блестящій слѣдъ.

Ученіе ихъ распространяется, переходя отъ учителей къ ученикамъ; образуются школы, умножаются несогласія, возрастаютъ противорѣчія. Бѣлое для однихъ дѣлается чернымъ для другихъ; что̀ выше всякаго сомнѣнія для первыхъ, кажется нелѣпымъ для послѣднихъ; смотря по школѣ, истина

признается заблужденіемъ, заблужденіе—истиной, пока, наконецъ, благодаря рѣшенію однихъ и тѣхъ же вопросовъ съ противоположныхъ точекъ зрѣніе, умъ, естественно, пріобрѣтаетъ привычку вѣрить, что противоположныя мнѣнія одинаково законны, что тезисъ такъ же очевиденъ, какъ и антитезисъ, доказательство въ одну сторону такъ же справедливо, какъ и противоположное доказательство въ другую. Такимъ путемъ въ новѣйшія времена образовалась антиномистика, древность произвела эристику,—искусство доказывать за и противъ безразлично, средневѣковые ученые прославились искусствомъ защищать одинаково и тезисъ и антитезисъ. Умы пріобрѣли въ эти три эпохи изворотливость и впали въ однѣ и тѣже крайности. Съ той минуты, какъ за и противъ поддерживаются съ одинаковымъ правомъ, всякая мысль является въ одно и тоже время и истинной и ложной; всякая достовѣрность исчезаетъ, истина становится призракомъ, попытки достигнуть ея—безуміемъ. Ужасно это могущество мышленія, которое поведетъ софистовъ, въ эти три эпохи, къ заблужденіямъ еще большимъ и низвергнетъ ихъ въ пропасть, крайнимъ предѣломъ которой будетъ нигилизмъ, если только мракъ безразсуднаго мистицизма не поглотитъ послѣднихъ проблесковъ ихъ ума. Трогательное зрѣлище, напоминающее древнюю трагедію, представляетъ этотъ роковой ходъ мышленія; въ горячей жаждѣ истины, оно истощаетъ одну за другою лучшія свои способности, обращаетъ свое оружіе противъ самого себя и, отъ изнеможенія и отчаянія, оканчиваетъ самоубійствомъ.

V.

Значеніе софистовъ.

По происхожденію, слово софистъ значитъ учитель мудрости; древніе сдѣлали изъ этого слова оскорбительный терминъ, новѣйшіе придали ему значеніе ложно-мыслящаго ума, систематическаго мечтателя.

Умъ поверхностный, остановившись на нѣсколькихъ частныхъ, извѣстныхъ ему данныхъ, обобщаетъ ихъ, не понимая взаимныхъ отношеній между ними; считаетъ всѣхъ

французовъ легкомысленными, потому что нѣкоторые, извѣстные ему, таковы, или—бѣлокурыя расы болѣе совершенными потому, что самъ принадлежитъ къ такой расѣ. Очевидно, такой умъ не способенъ возвыситься до пониманія великихъ философскихъ ученій. Заносчивый и безсильный, рѣзкій въ сужденіяхъ, поражающій иногда своеобразнымъ теченіемъ мыслей, онъ можетъ имѣть задатки умнаго человѣка, но не софиста. У систематическаго мечтателя еще менѣе основательности. Если онъ не тратитъ понапрасну времени на отыскиваніе квадратуры круга или непрестаннаго движенія (perpetuum mobile), то пускается въ какія нибудь отдаленныя аналогіи, кажущіяся ему громадными открытіями,—видитъ въ общеніи женъ или въ раздѣлѣ имуществъ всеобщее лекарство отъ всѣхъ золъ, мечтаетъ примирить всѣ честолюбія, удовлетворить всѣ интересы, и въ одной какой либо формулѣ находитъ секретъ универсальнаго счастія. Тотъ и другой одинаково немощны мыслью; совсѣмъ иного закала софистъ! Это—умъ гибкій, проницательный, способный прослѣдить самыя возвышенныя отвлеченности и мельчайшія наблюденія, самыя широкія обобщенія и самыя тонкія мысли; открытый для всяческихъ знаній, неутомимый въ работѣ, всегда осторожный, часто скромный онъ свободно располагаетъ своими способностями и своимъ словомъ; никакое ухищреніе не обманетъ его, никакая тонкость не остановитъ, никакая иллюзія не введетъ въ заблужденіе, если только она не его собственная, и притомъ такая, происхожденіе которой надо искать не въ немъ самомъ, а за нѣсколько столѣтій раньше, у того или другаго изъ великихъ философовъ, сдѣлавшаго нѣкогда какое нибудь безсмертное открытіе. Софистъ доводитъ ученіе философа до послѣднихъ крайностей; но развиваетъ его во всѣхъ направленіяхъ и всюду, гдѣ находитъ достаточныя данныя, освѣщаетъ его новымъ свѣтомъ.

Въ борьбѣ и спорахъ между собой софистическія школы распространяютъ свой анализъ на множество вопросовъ, которые продолжали бы покоиться въ глубинѣ человѣческаго сознанія, если бы что нибудь снова не возбудило къ жизни тѣхъ истинъ, которыя въ нихъ содержатся, или—

не потревожило предразсудковъ, подъ ними сокрытыхъ. Эти школы занимаются разработкой смысла словъ и языка, опредѣляютъ значеніе терминовъ, основываютъ грамматику, риторику, филологію; подвергаютъ тщательному разбору правила нравственности и эстетики, создаютъ литературную и историческую критику, полагаютъ основы новыхъ наукъ въ области мышленія и открываютъ иногда болѣе широкіе кругозоры для наукъ естественныхъ. Самыя блестящія эпохи философскаго умозрѣнія стоятъ въ связи съ долговременными работами софистовъ. Они слѣдуютъ въ древности за основателями философіи и подготовляютъ открытія Платона и Аристотеля, выступаютъ въ средніе вѣка послѣ великихъ учителей церкви и служатъ предшественниками Бэкона, Декарта и Паскаля; снова являются въ новѣйшія времена въ ряду великихъ учениковъ Декарта. Предвѣщаютъ ли они намъ новое возрожденіе философіи?

Можно писать исторію великаго умозрѣнія, не останавливаясь на дѣятельности софистовъ; но нельзя пренебречь изученіемъ ихъ въ частной исторіи народовъ. Софисты играли здѣсь часто болѣе важную роль, чѣмъ сами творцы славнѣйшихъ ученій. Извѣстнаго рода осужденіе, соединяемое съ ихъ именемъ, имѣетъ своимъ источникомъ то преобладающее вліяніе, какое они всегда оказывали. Системы ихъ обнимали собою нравственность, исторію, политику, всю совокупность фактовъ и знаній. Понятія о добрѣ и злѣ расшатывались ими, обязанности семьи и государства, права гражданина, судьбы рода человѣческаго истолковывались иногда въ критическомъ духѣ, тѣмъ болѣе страстномъ, чѣмъ онъ искреннѣе. Традиціонная мораль потрясена въ ея основахъ, древнія вѣрованія подверглись осмѣянію, гражданскія и государственныя обязанности разсѣчены, и новыя ученія, по мѣрѣ ихъ развитія, распространяются въ образованныхъ классахъ, проникаютъ въ массы. Сужденія становятся смутными, правота побужденій исчезаетъ, умственныя и нравственныя связи народа ослабляются, зло принимаетъ размѣры умственной эпидеміи. Умственное разстройство Греціи восходитъ ко временамъ софистовъ; правда, они подготовили путь для Аристотеля и Платона, но оба послѣдніе остались безъ

послѣдователей; греческое мышленіе слишкомъ глубоко испорчено было софистами. Средневѣковые софисты своими диспутами подготовляютъ возмущенія и войны реформаціи. Правда, вліяніе ихъ было не настолько сильно, чтобы могло помѣшать возвращенію болѣе здравыхъ преданій; за то софисты нашего времени, кажется, снова пріобрѣли такое же вліяніе, какое имѣли софисты Греціи. Ихъ доктринами наполняются наши газеты, оглашаются наши парламенты, вдохновляются наши историки, наши школы и наши университеты повторяютъ ихъ, не сознавая того; онѣ рѣшаютъ будущность юношества и славу нашихъ ученыхъ; народъ по своему толкуетъ ихъ и примѣняетъ къ дѣлу.

Было бы, однако, ошибкой думать, будто софисты именно губятъ духъ націй. Пришлось бы отчаяться въ будущности человѣческаго мышленія, если бы изученіе наиболѣе выдающихся успѣховъ его неизбѣжно влекло за собой столь гибельныя послѣдствія. Когда въ поступательномъ ходѣ философскаго умозрѣнія возникаютъ противоположныя ученія, ставятся основныя начала, непримиримыя, тогда выборъ между ними рѣшается не истиной и знаніемъ, но различіемъ вкусовъ, воспитанія и темпераментовъ. Но эти вкусы, темпераменты, воспитаніе имѣютъ свой корень въ нравахъ даннаго времени. Къ этимъ-то нравамъ, частнымъ и общественнымъ, и необходимо обратиться въ концѣ концовъ, чтобы открыть причины появленія софистическихъ школъ. Когда семейныя и патріотическія чувства теряютъ свою традиціонную силу, когда общественныя связи потрясены, тогда только въ философскихъ ученіяхъ и въ ихъ высокихъ отвлеченіяхъ мысль находитъ послѣднее убѣжище. Всѣ софистическія эпохи совпадаютъ со временемъ большей или меньшей порчи частныхъ и общественныхъ нравовъ народовъ, и софисты суть жертвы не только своей безпощадной логики, но и воспитавшаго ихъ общества. Если Платонъ упрекаетъ соперниковъ Сократа въ недобросовѣстности, въ опасныхъ діалектическихъ тонкостяхъ, въ жадности къ богатству и славѣ, и если можно сдѣлать тѣже упреки нѣкоторыхъ изъ современныхъ мнимыхъ философовъ, дѣлающихъ изъ науки подножіе для своего честолюбія, это значитъ, что волна разврата

достигла наконецъ такой высоты, что затопила область чистаго мышленія. Преобладающее вліяніе, какое софисты оказывали тогда на общественную мысль, служитъ лишь справедливымъ возмездіемъ съ ихъ стороны, и если они довѣршаютъ общественное растройство, то, конечно, общество заслужило этого; уже послѣдующія поколѣнія воспользуются успѣхами, которыя будутъ софистами подготовлены.

VI.

О важности ученія софистовъ.

Изъ всѣхъ философскихъ ученій самое интересное и самое драматичное, благодаря возбуждаемымъ изъ-за него страстямъ, есть несомнѣнно ученіе софистическое. Гораздо лучше, чѣмъ исторія великихъ ученій, оно знакомитъ насъ съ тайными пружинами нашего мышленія, и лучше, чѣмъ всѣ существующія правила, открываетъ намъ мѣру нашихъ силъ и глубину нашихъ заблужденій.

№ 10901

Всякая софистика, носитъ ли она имя эристики, какъ въ древности, или антиномистики, какъ въ новѣйшее время, сводится въ послѣднемъ анализѣ къ простой игрѣ ума. Ложныя обобщенія современныхъ философскихъ школъ, тонкости средневѣковыхъ ученыхъ, діалектическія уловки софистовъ одинаково основываются на систематическомъ смѣшеніи отвлеченнаго или абсолютнаго смысла словъ съ конкретнымъ или частнымъ. Конечно, можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы простая игра смысломъ словъ могла раздѣлять умы, поселять вражду между сословіями, разрушать учрежденія народовъ. Но за смысломъ словъ скрываются наши понятія, за понятіями наши страсти; когда смыслъ выраженія теменъ, понятіе становится сомнительнымъ и страсти остаются единственными нашими руководителями. Страсти выражаются словами и возбуждаются ими; могущество словъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ темнѣе ихъ смыслъ и чѣмъ сильнѣе страсти. Какихъ ужасныхъ волненій не вызывало въ наше время одно слово о правахъ человѣка? Одни видятъ въ немъ абсолютные принципы человѣческаго духа, источникъ всякаго добра и всякой нравственности; другіе истолковываютъ его

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
85751
Центральная библиотека

съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ потребностей; первые понимаютъ его абстрактно и даютъ ему конкретное значеніе; вторые понимаютъ его конкретно и даютъ ему абстрактное значеніе, и всѣхъ нашихъ революцій было недостаточно для выясненія истиннаго смысла этого слова. Злоупотребленіе двоякимъ значеніемъ словъ, смѣшное и безвредное у людей недалекаго ума, дѣлается гибкимъ и острымъ оружіемъ въ рукахъ софистовъ и страшнымъ средствомъ нападенія и защиты въ рукахъ народныхъ массъ. Не только наука, но и счастіе народовъ зависитъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ, отъ хорошо обработаннаго языка.

Платонъ и Аристотель открыли намъ тайну софистики; великіе мыслители эпохи возрожденія разоблачили предъ нами заблужденія схоластики; ошибки современныхъ софистовъ ускользаютъ отъ насъ только потому, что мы сами уносимся тѣмъ же теченіемъ, которое увлекаетъ ихъ. Мы раздѣляемъ ихъ погрѣшности въ сужденіяхъ, ежедневно допускаемъ такое же смѣшеніе понятій, какъ и они; тѣмъ только и отличаются они отъ насъ, что стремятся систематизировать наши ошибки.

Мы остановимся, въ настоящемъ сочиненіи, предпочтительно на полезной сторонѣ софистики; выставимъ на видъ тѣ частныя истины софистическихъ ученій, которыя принесли какіе либо плоды въ прошедшемъ, или представляютъ въ настоящемъ какіе либо задатки имѣть будущность. Сдѣлаемъ это безъ предвзятой мысли противъ софистическихъ школъ: какъ всякая систематическая оппозиція, онѣ имѣютъ свою цѣну; будемъ относиться безъ вражды къ личностямъ; для нихъ остается неизвѣстнымъ, какую роль играютъ онѣ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Но не забудемъ, что ученія ихъ касаются преимущественно нравственности, такъ какъ въ этой именно области исторія открываетъ намъ печальное вліяніе софистическихъ эпохъ, съ одной стороны—вслѣдствіе ослабленія частныхъ и общественныхъ нравовъ, совпадающаго съ появленіемъ софистовъ, съ другой—вслѣдствіе преобладающаго воздѣйствія ихъ, въ свою очередь, на разрушеніе общественнаго строя.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ.

I.

Аѳиняне предъ появленіемъ софистовъ.

«Нельзя объяснить, говоритъ Нибуръ, какъ могли аѳиняне, послѣ опустошенія ихъ страны и истребленія ихъ города огнемъ не только загладить слѣды разоренія и снова отстроить свой городъ, но и совершить такія гигантскія работы, какъ *Длинныя Стѣны*. Представимъ себѣ, что бѣдный народъ, едва успѣвшій спасти кое-что изъ своего имущества, возвратившись въ отечественную страну, состоящую въ большей своей части изъ безплодныхъ и скалистыхъ холмовъ, вскорѣ является предъ нами несравненно могущественнѣе, чѣмъ когда либо! Очевидно, намъ недостаетъ знанія обстоятельствъ, которыя дали бы намъ возможность понять этотъ фактъ [1])»! Великій историкъ упустилъ изъ виду, что причины столь удивительнаго возобновленія города были тѣже, благодаря которымъ аѳиняне, оставленные всѣми греками, одни устояли противъ многочисленной арміи великаго царя, одержали нѣсколько безсмертныхъ побѣдъ, и возведеніемъ новыхъ стѣнъ, въ замѣнъ сожженныхъ, открыли вѣкъ Перикла, именно: пламенный патріотизмъ, принявшій на себя защиту всѣхъ грековъ, не измѣряя опасности; потребность въ единеніи, доходившая до остракизма Аристида съ цѣлью положить конецъ раздору партій [2]); чув-

[1]) Alte Geschichte v. 1 p. 419.
[2]) Alte Geschichte v. 1 p. 400.

ство солидарности, соединившее всѣ желанія въ одно-желаніе Ѳемистокла; общественная дисциплина, предоставлявшая каждому гражданину соотвѣтственное мѣсто безъ ревниваго соперничества и вреднаго честолюбія: таковы были аѳиняне въ битвахъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ, такими приступили они и къ возстановленію своего города. Онъ хранился вполнѣ устроеннымъ въ ихъ общемъ согласіи, въ ихъ искреннемъ сочувствіи другъ другу, въ ихъ взаимной преданности, взаимномъ почтеніи и уваженіи; оставалось только каждому изъ гражданъ найти свое поле и привести свой домъ въ удобное для обитанія состояніе, чтобы республика сдѣлалась такою же могущественной и благоустроенной, какъ и прежде. Добыча захваченная у персовъ, уцѣлѣвшій флотъ, помощь спасшихся отъ погрома городовъ и иноземныхъ гражданъ, находившихся въ отношеніяхъ гостепріимства съ знатными аѳинскими фамиліями, оказали, конечно, содѣйствіе аѳинянамъ въ это тяжелое время; но безъ патріотизма и крѣпкихъ общественныхъ преданій народа, Аѳины никогда не были бы возстановлены изъ развалинъ.

Послѣ тимократическаго движенія, освященнаго законами Солона, великія фамиліи Евпатридовъ смѣшиваются съ первымъ изъ новыхъ классовъ, но сохраняютъ простоту нравовъ древнихъ временъ [1]), и хотя политическая власть ихъ прекратилась, тѣмъ не менѣе народъ продолжалъ оказывать имъ трогательные иногда почетъ и уваженіе даже въ самыя печальныя времена своей исторіи. Древнія фратріи и филы исчезли съ раздѣленіемъ народа на демы, но воспоминаніе объ общемъ происхожденіи продолжало соединять гражданъ во дни общенародныхъ празднествъ и печальныхъ событій. Ареопагъ потерялъ свою судебную власть; пятьсотъ судей, избиравшіеся изъ шести тысячъ геліастовъ, рѣшали споры гражданъ; но ареопагъ сохранилъ до послѣднихъ дней своего существованія нравственный авторитетъ и подавалъ примѣръ умѣренности и благоразумія. Наконецъ, въ опасностяхъ и трудностяхъ, столь героически перенесенныхъ, въ

[1]) Plutarq. V. de Pericle. Thucid. 11. 37.